

М.А. Новожилов,
научный сотрудник Государственного
Литературного музея, соискатель
при кафедре Литературного института

Тема светской власти и социальная критика в эпиграммах Фридриха фон Логау

Выдающийся немецкий сатирический поэт эпохи барокко Фридрих фон Логау (1605–1655) был отпрыском одного из старейших дворянских родов Силезии, находившейся в то время под австрийским владычеством. Среди представителей рода Логау можно встретить «военных, советников, маршалов и наместников на службе силезских герцогов»¹, высокопоставленных чиновников венского двора, сановников церкви, а также императорского посла в России, упоминаемого Н.М. Карамзиным в XI томе его «Истории»². Логау окончил классическую гимназию в Бриге, изучал право в университете Альтдорфа, а затем, вплоть до самой своей смерти, служил при бригском дворе в чине герцогского советника. В историю немецкой литературы Логау вошел как автор книги эпиграмм «Три тысячи немецких рифмованных изречений Соломона из Голау» (Бреславль, 1654)³. Среди более чем трех с половиной тысяч стихотворений этой книги значительное количество посвящено теме княжеской власти, двора и придворной жизни⁴.

Отношение к светской власти является важным аспектом миропонимания Логау, поскольку данная тема непосредственно и тесно связана с социальной функцией поэта и его жизненной ролью. Логау бескомпромиссен во взглядах на природу этой власти; в своих суждениях он опирается, в частности, на тезис из трактата Лютера «Свобода христианина»: «Христианин является совершенно свободным господином всего сущего и не подвластен никому»⁵. Великий немецкий реформатор

раскрывает данный тезис в другом своем трактате, «О светской власти», где говорит о двух царствах — «Божьем», состоящем только из христиан, и светском, к которому принадлежат как христиане, так и все остальные: «...если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т.е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе». Однако, продолжает Лютер, «...поскольку немногие веруют и меньшая часть ведет себя по-христиански... Бог учредил кроме христианского состояния и Царства Божия другой порядок и подчинил людей мечу, чтобы они хотели и все же не могли учинять зла»⁶. Логау сознает себя принадлежащим к первому из «царств» и на этом правовом основании строит свою критику. Его точка зрения на сущность светской власти изложена им в эпиграмме «Княжеское одеяние» (II.5,61): «Где правда — мантия, а правый суд — венец, / Там будет государь для подданных — отец».⁷

Политический идеал Логау — это лютеровский идеал власти строгой, честной и богобоязненной. Программные требования, предъявляемые поэтом к светской власти, исходят из того, что последняя именуется себя христианской, и опираются на ряд положений из трактата «О светской власти», которые предписывают князьям всегда помнить о своих подданных, действовать исключительно для их блага, постоянно подвизаться в служении им, все свои помыслы направлять к их пользе, охранять и защищать их: «Да откажется князь в сердце своем от сладости власти, да обратится он к нуждам подданных своих, действуя так, как будто бы то — его собственные нужды!»⁸. Логау почти дословно вторит Лютеру в эпиграмме «О княжеской должности» (II.2,75):

Князь хоть и государь, но коль он честно правит,
Народу своему себя слугой он явит;
На благо подданных труды его и пот,
Чтоб был благословен и мирен весь народ.
Он бодрствует, чтоб сон народа был спокоен;
Он защитит, пойдет на битву, словно воин;
Он — гвоздь, чтоб каждый мог повесить на него
Все, что гнетет, теснит и бременит его.
Он — чести государь, паж верности — тем паче;
Тот князь едва ли прав, кто думает иначе.

Требования, предъявляемые Логау к светской власти, являются, таким образом, прямым выводом из христианской этики; лежащий в их основе религиозно-этический императив восходит к евангельской заповеди любви к Богу и ближним (Мф.22, 37–39). Но поэт сознает, что высокий нравственный идеал, который он, вслед за Лютером, предлагает властителям, едва ли осуществим в действительности. Это понимал и реформатор, написавший: «Знай также, что с сотворения мира мудрый князь — птица редкая, и еще более редок князь благочести-

вый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо крупнейшие злодеи на земле...»⁹. Размышления о том характере светской власти, который сложился в Германии в силу исторических условий, суммированы поэтом в эпиграмме «Придворное правило» (I.9,75):

Тот слуга князьям не нужен, что удвоить рад старанья,
Чтоб умерить их обжорство и к напиткам прилежанье.
Тот слуга князьям не нужен, что открыто возвещает,
Что в несправедливой их жизни им погибель обещает.
Тот слуга князьям не нужен, что от злого их деянья
Вознамерится их совесть обратиться на покаянье.

Данная эпиграмма снабжена авторским подзаголовком: „Non mihi sit servus Medicus, Propheta, Sacerdos“¹⁰. Эта ремарка проливает свет на то, какой видится Логау его собственная роль. Под «пророком» здесь подразумевается поэт¹¹, и очевидно, что позиция «пророка» вне подчинения земной власти выражает социально-этический идеал Логау. Моральный долг поэта-пророка состоит в честности и прямоте вопреки общепринятому сервиллизму: он призван говорить правду князьям, невзирая на угрозу утраты их расположения, потому что побудительным стимулом этого является христианская любовь: «Кто тот, кто честный свой совет дает князьям, — Любимец князя? Нет: кто князя любит сам» («Княжеский советник», II.3,66).

Социальная позиция Логау характеризует его, по выражению исследователей, как «раннего просветителя»¹². С этой позицией поэта соединена в его творчестве критика двора и придворной жизни (Hofkritik). В абсолютистской Германии, в особенности после Вестфальского мира 1648 г., закрепившего феодальный status quo, каждый княжеский двор представлял собой обособленный мирок, где все было подчинено произволу властителя, его чиновников и фаворитов. У Логау, вся жизнь которого протекала при дворе, для последнего нет иной оценки, кроме негативной. Двор — средоточие всех пороков, и прежде всего — лицемерия: «Лживость есть болезнь двора; / Тщетен труд ваш, доктор!» («Придворная лживость», III.3,71). Принцип «при дворе никому не верить» есть, согласно Логау, то идейное основание, на котором зиждется весь набор правил придворной жизни: «Кто веры ни малейшей придворным не дает, / В придворной жизни сведущ, и сам придворный тот; / Придворный катехизис отсюда весь идет» («Придворный катехизис», III.4,59). Среди типичных свойств придворных Логау называет алчность, хищность, двуличие, клевету и т.д.: эти характеристики постоянно присутствуют в его описаниях придворных нравов, так же как и антитеза в виде изгоняемой правды и вознаграждаемой лести, являющаяся темой ряда антипридворных эпиграмм. В эпиграмме-инвективе «Царедворцы, иначе: горетворцы» („Hofe-Leute, versetzt: hohe Teufel«, II.3,22), анаграмматически приравнивающей придворных к бесам, Логау приводит перечень наиболее типичных, по его мнению, придворных пороков с отсылкой к их «инфернальному» источнику:

Царедворцы — горетворцы: неужели слово верно?
Да, ведь мучат, хуже бесов, бедняков они безмерно.
Клевета, коварство, лживость, лицемерье — вот их слава,
Вот двора произведенья, вот бесовская забава.

Вызывает недоумение то, как человек, в столь сильных выражениях осуждавший пороки власти и придворных, мог сам служить при дворе; ему скорее подошла бы роль обличителя, отошедшего от общественной жизни и издала клеймящего зло и безнравственность высшего света, как поступал другой силезский поэт, близкий друг Логау Венцель Шерффер фон Шерффенштайн (1603–1674)¹³. Однако «...где еще, как не при дворе, возможно изо дня в день постигать то, что христианин принадлежит к двум царствам — Божьему и земному?»¹⁴. Парадокс поэтического облика Логау состоит в том, что, будучи сатириком, избравшим двор и придворную жизнь одной из главных мишеней своей критики, он в то же время был придворным поэтом, автором верно-подданных посланий герцогу и поэтических приношений герцогине¹⁵. Это противоречие объясняется просто: в силу своего служебного положения герцогское гофрата Логау обязан был откликаться в стихотворной форме на те или иные события жизни бригского двора¹⁶. Однако его написанные в стиле «придворного классицизма» панегирики герцогу Людвигу IV, герцогине Анне Софии, троице августейшим братьям — Георгу, Людвигу и Христиану, а также всему княжескому дому Пястов¹⁷ носят несомненный отпечаток искренней симпатии. Последние силезские князья из древнего польского рода Пястов были просвещенными государями, на деле заботившимися о благе народа в тяжкое время военного разорения и пользовавшимся нелицемерной любовью своих подданных¹⁸. Помимо этого, герцог Людвиг был меценатом и покровительствовал поэзии и словесности¹⁹, и нет сомнения, что в лице своего князя поэт находил опору и понимание. В тихом, провинциальном Бригском герцогстве господствовали патриархальные отношения, основанные на личном доверии между властителями и подданными, и Логау своей критикой стремился лишь воспрепятствовать укоренению в Бриге тех пороков, которые были свойственны абсолютистскому двору XVIII столетия в обобщенном смысле слова, в чем он «мог рассчитывать на одобрение большинства чиновников двора и также на герцога»²⁰.

Социальная сатира Логау затрагивает не только князей и придворную камарилью: она выводит на свет новое явление в сфере придворной жизни. В мире, по убеждению поэта, воцарилось небывалое божество — «светскость» («Höflichkeit»), она же — «политичность» («Politisch-Sein», «Welt-Kunst»), детище «модного образа жизни» («A-La-Mode-Wesen»), заимствованное, как и все негативное той эпохи, из Франции²¹: «Что там попы везде кричат, / Мол, исправлять мир не рад? / Притворство в нем все чаще — редкость / С тех пор, как появилась светскость». («Исправивший мир», III.2Z,53). Персонаж, против которого выступали все немецкие эпиграмматисты XVII века,

— так называемый «кавалер», придворный авантюрист эпохи абсолютизма, галантный «homo politicus»²², живущий милостями сильных мира сего. На формирование этого социального типа оказало влияние ренессансный идеал «придворного» Б. ди Кастильоне (1478–1529), сочинение которого «Il libro del cortegiano»²³ появилось в 1514–1518 гг. «Герой» диалогов Кастильоне представлен типом «совершенного человека», «l'uomo universale» эпохи Возрождения²⁴; по существу же «кортиджано» Кастильоне не столько «приспособлен для двора», сколько «двор... существует для него»²⁵. С этим социальным явлением, распространившимся в Германии в первой половине XVII века как одно из последствий всеобщего раболепия перед Францией и французскими обычаями, Логау ведет беспощадную борьбу при помощи своей сатиры. Портретом «совершенного придворного» с натуры является эпиграмма «Современная светскость» (I.9,71), относящаяся к 1648 г.:

Быть одним — внушать иное;
Думать то — сказать другое;
Все сносить, всем прочить славу;
Всем польстить, прийтись по нраву;
Вторить всем ветрам покорно;
Злу с добром служить проворно;
В жизни каждую затею
Мерить выгодой своею:
Кто привык в том упражняться,
Может ныне «светским» зваться.

Конфликт, в который поэт оказался вовлеченным силой обстоятельств, протистекает из общих социально-исторических условий того времени. Критик А. Линдквист прослеживает в немецкой культурной и общественной жизни и в немецкой литературе XVII века три ведущие тенденции: «...мистико-религиозную; галантную, то есть «придворную», римско-католическую, «модную»; и, наконец, в виде реакции на последнюю, — консервативную, бюргерскую, национально-немецкую, протестантскую»²⁶. Вне всяких сомнений, Логау принадлежит к третьей категории и, исходя из принципа протестантской, или, что равнозначно, немецкой *честности*, отрицает главный признак французской придворной культуры — «светскость», то есть лицемерие, формулу которого он дает в ряде антипридворных эпиграмм, таких, как «Светский человек» (II.1,52):

Что значит «светским» быть? — В кустах лежать трусливо,
Изячно обещать и надувать учтиво.

В том, что «светскость» или «политичность» есть не что иное, как искусство обмана, практикуемое людьми, для которых «Бог и дьявол, правда и кривда, черное и белое имеют одинаковую цену»²⁷, поэт убежден изначально: тема «лицемерия», как атрибута романского влияния, в творчестве поэта принадлежит к наиболее ранним²⁸. Исследователь Х. Кизель указывает, как на первоисточник данного этического

принципа, на так называемую «*filosofía cortesana*»²⁹ испанского иезуита Б. Грасиана, которая «...уже в *логауское время*, в ее специфически колеблющихся жизненных принципах... отлилась в свою по сей день очаровывающую форму»³⁰. Критик имеет в виду наиболее известный из философско-этических трактатов Грасиана — «*Oraculo manual*»³¹ (1647), во французском переводе — «*Homme de cour*»³² (1684), сохранивший то же название в немецких изданиях 1686, 1687, 1711 гг.³³, который, принимая во внимание приведенные даты, едва ли мог быть фактором культурного влияния в *логауское время*. Взгляд Логау на данную проблему проистекает, как нам кажется, скорее из преемственности его сатиры по отношению к определенной сатирической традиции в немецкой литературе эпохи Реформации, разрабатывавшей проблематику придворных отношений, о чем свидетельствует и заглавие упомянутой монографии Х. Кизеля: «Исследование литературной критики придворной жизни от *Себастиана Бранта* до Фридриха Шиллера»³⁴. Взгляд этот является также следствием религиозного миропонимания поэта и частным выводом из библейской истории, о чем Логау говорит в эпиграмме «Люди — лжецы» (II.2,13):

Тому, что люди суть лжецы, пора бы разъясниться.

Ложь — это ловкость: так о ней в Писанье говорится;

А ловкость светскостью зовут. Кто ж этого стыдится?

По замечанию критика Э. Фогт, сущность «светского человека» для Логау состоит в «преувеличенном внешнем лоске и внутренней пустоте»³⁵, — но именно он является фаворитом сильных мира сего. Ряд качеств, бывших непрменными атрибутами «светского человека» и вызывавших острую критику современников, таких, как «дипломатическая изворотливость, знание света, социальное приспособленчество, искусство притворства, свобода от всех предрассудков, виртуозное умение обезопасить себя во время общественных выступлений»³⁶, обеспечивали его жизнеспособность. Естественно, что Логау, принадлежащий к придворным диаметрально противоположного типа, вступает со «светскими людьми» в острый конфликт. «Против «современной светскости» он выводит на поле боя «честность» и ставит идеал честного человека против идеала кавалера»³⁷, хотя и сознает весь утопизм данной контрверзы, видя, что перед «светскостью» преклонилось все, и даже церковь: «Кумир наш — Светскость, служит ей Христианство даже; / Корысть сидит на троне, Закон в тюрьму посажен» («Современная светскость», III.1,1).

Логау трактует честность как исконное старонемецкое свойство: его консерватизм обращен в прошлое не без идеализации последнего, выражающейся в «пропаганде консервативных установок по схеме «прежде — теперь»»³⁸. В эпиграмме «Кавалер» (I.3,68) антиподом «светского человека» выступает мифический «древний немецкий герой»: «Что ныне кавалер, то был герой когда-то; / Там — смелость и душа, здесь — милости и злато». Понятия «прежде» и «ныне» указывают в творчестве Логау на хронологический период, разделение в кото-

ром проходит по рубежу войны; поэтому речь может идти скорее о «до» и «после», и насколько с первым соединено представление обо всем позитивном, настолько же со вторым связано все негативное. В целом ряде эпиграмм поэт отсылает читателей к прежней идиллической эпохе, обнимающей собой едва ли не всю историю Германии до XVII века. Последняя, по убеждению Логау, представляла собой в то время «оплот честности» и социальных добродетелей; разрушителями этой идиллии поэт считает войну и пагубное иноземное влияние, о чем недвусмысленно заявляет в эпиграмме «Германия» (I.6,18):

Была немецкая страна
Издравле честности верна;
Но в ней живут с недавних пор
Порок, бесчестье и позор:
Все, что выбрасывают вон,
Стеклось сюда со всех сторон.

С прошлым Германии, являющимся, согласно Логау, воплощением всего «светлого», в противовес «темному» настоящему, связана социальная самоатрибуция поэта, мыслящего себя продолжателем идейных установок прежнего *modus vivendi*³⁹, приверженцем традиционных моральных ценностей, опирающихся на религиозно-этические идеалы Реформации и погибших в пожаре Тридцатилетней войны. Триада общественных и жизненных приоритетов Логау сформулирована им в эпиграмме «Мои господа» (III.ZD,129):

Служить двум господам — нелегкий труд подчас;
Я ж честно трем служу без права на отказ:
Служу я Господу всем сердцем и душой,
И князю своему служу я головой,
И ближним должен я руками послужить;
Хотел бы я и впредь для всех полезным быть!

Более афористично вышеупомянутая триада, а также выстраиваемая поэтом духовно-социальная иерархия представлены в другой репрезентативной эпиграмме — «Жизненное правило» (I.5,22): «Живу ль — так живу: / С Богом не лжив, / С князем не крив, / С ближним правдив. / Умру ль — так умру!». Логау, таким образом, присоединяет к двум положениям евангельской заповеди о любви к Богу и ближнему третье, определяющее норму социальных отношений в мире. «Князь» занимает в этой триаде среднюю ступень, служащую переходным звеном между Богом и ближним, и, являясь, так сказать, «частным случаем» ближнего, наделяется отдельными прерогативами «бога». В соответствии с этим сама идея общественного служения освящается религиозной трактовкой и авторитетом Писания, в частности, основополагающим императивом Павла о покорности высшей власти как Божественному установлению⁴⁰. В том, что свою роль в социальной иерархии Логау понимает именно в духовном смысле, нас убеждает тождественность его высказываний на данную тему с

высказываниями Лютера. Когда поэт говорит: «Служу, кому могу, я каждому слуга»⁴¹, — его утверждение находится в полном соответствии со вторым тезисом из трактата «Свобода христианина»: «Христианин является покорнейшим слугой всего сущего и подвластен всем»⁴², а также с утверждением реформатора в трактате «О светской власти» о том, что «...истинный христианин живет в этом мире не для самого себя, а для своего ближнего, которому служит»⁴³. Идея общественно-полезного служения является поэтому для Логау основным принципом социального поведения и первой морально-этической заповедью придворного. Установка на служение ближним является закономерным выводом из евангельского учения (Мф.20,26-27), а следовательно, обязательна для лютеранина, что Логау и подтверждает как своими словами, так и жизнью: «В строгом понимании своих обязанностей по отношению к ближнему Логау стоит на нравственной высоте рядом с лучшими из своих современников»⁴⁴. Степенью преданности человека интересам его ближних определяется для поэта и самая вера, как можно видеть по эпиграмме «Вера духовная и светская» (II.7,30): «О силе веры в нас узнают по тому, / Насколько ближнему верны мы своему».

На основе своего религиозного миропонимания Логау определяет нравственную формулу сословных отношений. Поэт далек от нивелирования социальных положений на почве христианского «равенства», которое практиковали в следующем столетии немецкие гернгутеры, с точки зрения которых представители низших сословий «...являлись не только равными «братьями во Христе», но... даже более достойными христианами»⁴⁵. Для Логау корень проблемы лежит в духовной сфере: в соответствии с учением Лютера, верным, в свою очередь, духу и букве евангельских и апостольских писаний, поэт сохраняет сословную лестницу при условии личной ответственности каждого перед Богом. Путь нравственного возвышения человека Логау видит в его способности к самоумалению и самоотречению⁴⁶; в то же время, по убеждению поэта, власть, вставшая в пороки и преступления, утрачивает свое моральное основание. Эта мысль высказана в эпиграмме «Господин и слуга» (I.4,8): «Кто служит — господин, коль он смирен глубоко; / А господин — слуга, когда он раб порока».

Логауский «раннепросветительский» социально-этический идеал «честного придворного» не содержит в себе чего-либо принципиально нового. По замечанию А. Эльшенбройха, лейтмотив «честного человека при дворе» есть не только постулат Просвещения: в своей религиозной основе он происходит из Реформации, и поэтому должен был пережить эпоху абсолютизма, прежде чем быть секуляризованным Просвещением»⁴⁷.

«В XVII столетии протест Логау против «модного образа жизни» и «политичности» остался неслышанным; к началу XVIII века он и его эпиграммы были уже неизвестны»⁴⁸. Но логауское сатирическое изображение социальных условий его времени, будучи продолжением сатирической традиции немецкой литературы средних веков и Ренессанса,

явилось предпосылкой социально-обличительной сатиры эпохи Просвещения, одним из главных представителей которой был Г.Е. Лессинг (1729–1781). Последний не только вновь «открыл» и издал эпиграммы забытого к тому времени поэта, но воспользовался сатирой Логау как оружием для собственной критики негативных общественных явлений своей эпохи, и прежде всего, княжеского абсолютизма и придворного сервизизма. Таким образом, социальная критика Логау, перенесенная в XVIII столетие и подкрепленная авторитетом Лессинга, смогла достичь одной из своих целей: «...идеал галантно-светского человека, доминировавший благодаря... культурному господству Версаля, был взят под сомнение»⁴⁹.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Грасиан, Бальтасар. Карманный оракул. Критикон. М., 1981.
2. Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне. Аретино. Челлини. М., 1929.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.ХI. СПб., 1853.
4. Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994.
5. Пинский Л.М. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 2002.
6. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV—XVII вв. М., 1955.
7. Тронская М.Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962.
8. Alewyn, Richard (Hg.): Deutsche Barockforschung: Dokumentation einer Epoche. Köln—Berlin 1965.
9. Boehn, Max von: Die Mode: Menschen und Moden in siebzehnten Jahrhundert. München MСМХIII.
10. Eitner, Gustav: Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen 1872.
11. Kiesel, Helmuth: «Bei Hof, Bei Höll»: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen 1979.
12. Lindqvist, Axel: Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17. Jahrhundert // Pfohl, Gerhard (Hg.): Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt 1969. S.287—351.
13. Piprek, Jan: Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole 1961.
14. Steinhagen, Harald und Wiese, Benno von (Hgg.): Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. Berlin 1984.
15. Szyrocki, Marian i Żygulski, Zdzisław: Silesiaca. Wybór z dzieł pisarzy śląsko-niemieckich XVII wieku w tekstach oryginalnych i polskich przekładach. — Warszawa 1957.
16. Vogt, Erika: Die gegenhöfische Strömung in der deutschen Barockliteratur. Leipzig 1932.
17. Weisz, Jutta: Das Epigramm in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Müller W.: Vorwort // Friedrich von Logau und Hans Aßmann von Abschatz: Auserlesene Gedichte. Hrsg. von Wilhelm Müller. Leipzig: Brockhaus, 1824. S.XI.

- ² «От 1598 до 1604 года были у нас разные австрийские чиновники и знатный посол барон Логау». — Н. М. Карамзин, «История государства Российского». Т. XI. СПб.: Прац, 1853. С. 56.
- ³ «Salomons von Golaw Deutscher Sinn=Getichte Drey Tausend. In Verlegung Caspar Kloßmanns / Gedruckt in der Baumannischen Druckerey durch Gottfried Gründern» (о.ж.).
- ⁴ Согласно подсчету Х. Кизеля, около двухсот стихотворений непосредственно посвящено теме антипридворной критики, и еще большее количество тех, в которых эта тема затронута косвенно (Kiesel H.: «Bei Hof, Bei Höll»: Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen 1979. S.171).
- ⁵ Лютер, М. Избранные произведения. СПб., 1994. С.25.
- ⁶ Там же, с.135 сл.
- ⁷ Здесь и далее эпиграммы Фридриха фон Логау даны в переводе автора. Оригиналы эпиграмм, переводы которых использованы в настоящей статье, взяты из полного критического издания: Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen 1872. Принцип обозначения эпиграмм Логау в настоящей работе соответствует общепринятому в немецкой критической литературе по творчеству данного автора и основан на композиционном членении собрания его эпиграмм: римская цифра означает номер книги («Тысячи»), первая арабская — номер главы («Сотни»), вторая — порядковый номер эпиграммы. «1Z» означает первое «Приложение» («Zugabe»), следующее после «Второй тысячи», «2Z» — второе «Приложение», следующее после «Третьей тысячи», «ZD» — третье «Приложение», завершающее собой собрание эпиграмм и имеющее заголовок: «Folgende Sinn-Getichte sind unter wehrendem Druck eingelauffen» («Нижеследующие эпиграммы добавлены при наборе». — нем.).
- ⁸ Лютер, М.: цит. соч., с.156 сл.
- ⁹ Там же, с.152.
- ¹⁰ «Да не служат мне врач, пророк, священник» (лат.).
- ¹¹ Ср. стихотворение А.С. Пушкина «Пророк».
- ¹² Schubert W.: Nachwort // Friedrich von Logau. Die tapfere Wahrheit: Sinngedichte. Leipzig 1978. S.148.
- ¹³ См.: Piprek J.: Waclaw Scherffer von Scherffenstein: poeta śląski i polonofil XVII wieku. Opole 1961.
- ¹⁴ Elschenbroich A.: Friedrich von Logau // Steinhagen H. und Wiese B. von (Hgg.): Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S.220.
- ¹⁵ В определенном смысле все творчество Логау принадлежит к так называемой «придворной культуре», поскольку отвечает программным тезисам (Leitideen) последней: «Бог, Добродетель, Эрос, Время». — См.: Müller G.: Hofische Kultur // Alewyn R. (Hg.): Deutsche Barockforschung: Dokumentation einer Epoche. Köln—Berlin 1965. S.182.
- ¹⁶ Например, участвовать в поэтических играх. — См: Elschenbroich A.: op.cit., S.218 f.
- ¹⁷ См. об этом: Stroka A.: Piastowie w twórczości Fryderyka Logaua // Germanica wratislaviensia I. Wrocław 1957. S.97–112.
- ¹⁸ Szyrocki M. i Żygułski Z.: Silesiaca. Warszawa 1957. S.22. / Piprek J.: op.cit., s.29.
- ¹⁹ Garber K.: Martin Opitz // Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. Berlin 1984. S.144.
- ²⁰ Elschenbroich A.: loc.cit.

- ²¹ См.: Boehn M.v.: Die Mode: Menschen und Moden in siebzehnten Jahrhundert. München MСМХІІІ.
- ²² «Светский человек» (лат.).
- ²³ «Книга о придворном» (ит.).
- ²⁴ См.: Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне. Арентино. Челлини. М., 1929, с.71 и др. — По замечанию А.Ф. Лосева (Эстетика Возрождения. М., 1982, с.128 слл.), прототипом для автора послужил феррарский кардинал Ипполито д'Эсте, приказавший ослепить своего брата Джулиано.
- ²⁵ Буркгард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Т.ІІ. СПб., 1906. С.113.
- ²⁶ Lindqvist A.: Die Motive und Tendenzen des deutschen Epigramms in 17.Jahrhundert // Pfohl G. (Hg.): Das Epigramm: Zur Geschichte einer inschriftlichen und litterarischen Gattung. Darmstadt 1969. S.315.
- ²⁷ Эпиграмма «Allengefallenheit» (І.8,38).
- ²⁸ Эпиграммы на «кавалеров» встречаются уже в первом сборнике поэта 1638 г. «Erstes Hundert Teutscher Reimen=Sprüche Salomons von Golaw», включавшем в себя немногим более двухсот стихотворений («Damen und Chevalliers», І.1,66).
- ²⁹ «Философия придворной жизни» (исп.).
- ³⁰ Kiesel H.: op.cit., S.175. Выделено нами. — М.Н.
- ³¹ «Обиходный оракул, или искусство осторожности» (исп.).
- ³² «Придворный» (франц.).
- ³³ См.: Пинский Л. М.: Жизнь и творчество Бальтасара Грасиана // Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 2002. С.338.
- ³⁴ Выделено нами. — М.Н.
- ³⁵ Vogt E.: Die gegenhöfische Strömung in der deutschen Barockliteratur. Leipzig 1932. S.32.
- ³⁶ Elschenbroich A.: op.cit., S.218.
- ³⁷ Vogt E.: op.cit., S.31.
- ³⁸ Weisz J.: Das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. Stuttgart 1979. S.178.
- ³⁹ «Образа жизни» (лат.).
- ⁴⁰ «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим.13,1).
- ⁴¹ «Poeterey», І.5,3, V.47.
- ⁴² Лютер М.: цит. соч., с.25.
- ⁴³ Там же, с.138.
- ⁴⁴ Eitner G.: Schlusswort des Herausgebers // Friedrichs von Logau Sämtliche Sinngedichte. Hrsg. von Gustav Eitner. Tübingen 1872. S.728.
- ⁴⁵ Аннист А., Левин И. Старинная эстонская словесность и «Досуг при свете лучины» П. Мантейфеля // Мантейфель П. Досуг при свете лучины. М.—Л., 1964. С.62.
- ⁴⁶ «...Кто хочет между вами быть бульшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф.20, 26—27).
- ⁴⁷ Elschenbroich A.: loc.cit.
- ⁴⁸ Kiesel H.: op. cit., S.175.
- ⁴⁹ Ibidem.